

[Фото: Ольга Кадыкова]

«Я – выживший!»

Так говорит о себе Валерий Леоненков, участник афганской войны, событий в Ереване, Нагорном Карабахе и Донбассе

[стр. 28]

«Я – выживший», – говорит о себе Валерий Леоненков, у которого за плечами боевой опыт, достойный уважения. Война в Афганистане, Спиктакское землетрясение, волнения в Ереване, конфликт в Нагорном Карабахе и наконец Донбасс. Так сложилась судьба: он все время там, где горячо. Стоит на страже интересов Родины и людей, которым нужна помощь. Уроженец г. Антрацит Луганской области, на Бору Валерий Михайлович живет всего полтора года. Его, председателя трех ветеранских организаций, который всегда боролся за права тех, кто прошел горячие точки, активного участника протестных митингов, просто выдавили с родной земли. Границу с Россией осенью 2014 г. он переходил покалеченный, на костылях. Но подробности тех дней Валерий Михайлович, ныне уже гражданин России, просит опустить: это не имеет никакого отношения к 27-й годовщине вывода советских войск из Афганистана.

Осенью 1983 года Валерия, выпускника горного техникума, успевшего поработать в шахте, призвали в Каахкинский погранотряд среднеазиатского пограничного округа. Обратив внимание на занятия сержантской школы, молодой солдат решил для себя: там я проведу время с максимальной пользой. В школе по подготовке инструкторов службы собак в Душанбе Леоненков успешно сдал экзамены и попал на отдельную заставу по подготовке собак саперов. Тогда он и узнал, что готовить его и со служивцев будут для выполнения боевых задач в Афганистане.

Так началася его война. Валерий Михайлович проходил службу в 3-й мотоманевренной группе Термезского погранотряда. В ее состав входила и отдельная десантно-штурмовая группа, которая использовалась по мере возникновения боевой задачи: перехватить банду душманов, организовать засаду, прикрыть прохождение колонны. У него, сапера, была и особая миссия. Вместе с боевой четвероногой подругой – минно-разыскной немецкой овчаркой Валерий Леоненков должен был уберечь бойцов от спрятанной в земле гибели – душманской мины. Инструктор с собакойшел первым, рискуя, предугадывая, анализируя обстановку.

Но никто не расскажет о войне так, как сам ее участник. Потому воздержусь от комментариев, предоставив слово бойцу.

Фото: из личного архива В.Леоненкова

– Моим инструментом была собака, – рассказывает Валерий Леоненков. – Ее задача – унюхать мину и сесть в полуиметре. Моя – найти мину с помощью щупа, очистить грунт вокруг, определить по цвету и форме тип мины, прикинуть, сколько в ней гнезд на неизвлекаемость, и где они расположены. Если есть возможность, уничтожаешь на месте.

Если нет, ее нужно аккуратно снять: сдернуть с помощью «кошки» (веревкой с металлическими крюками на конце) и уничтожить в безопасном месте.

Самыми опасными считались итальянские мины. В них – практически нет металла, и лучше всего их обнаруживали подготовленные собаки. Иногда душманы ставили такие мины по две, одна на другую, бывало, мина ставилась на мешок со взрывчаткой, получался фугас. Случалось также, что закапывали авиабомбу массой от 50 до 250 кг, а сверху ставили мину. Если на такую закладку попадала любая техника – от простого автомобиля до бронетранспортера, БМП или танка, в живых не оставался никто. БТР, например, просто лопался по швам как консервная банка.

Иногда было страшно, особенно когда ему пришло во второй

раз разминировать. Это была растяжка, уничтожить ее на месте было нельзя, нужно было

снимать, и получилось так, что чека почти вырвалась и «закусилась» (стояла не горизонтально, а под углом), и вот-вот должна сорваться. И когда ты выкручиваешь взрыватель из мины, понимаешь, сколько там взрывчатки и что от тебя останется в случае неудачи. Потом, когда отсоединил взрыватель, осознаешь, что теперь живой останешься, но руки оторвут или глаз лишишься. А вот когда извлечен взрыватель, переводишь дух. Это такие острые ощущения, которые не забываются. Я не верю тем, кто стучит себя в грудь и говорит: я ничего не боялся. Все боятся: кто-то больше, кто-то меньше. Я тоже боялся. И в случае со взрывчаткой, и когда пули рядом свистят: Со временем более опытные ребята объяснили, что свиста бояться не следует. Свист своей пули ты не услышишь.

Самое страшное на войне – осознание того, что твоя жизнь ничего не стоит, ее цена – ноль. Сегодня ты есть, и вот тебя нет. Ты как винтик в большой машине войны. Не стало тебя, поставили

другой винтик. И здесь все зависит от офицера, от того, насколько он ценит каждого бойца.

Мне очень повезло с командирами. Приведу один пример. Был у нас начальник заставы – капитан Люлька. Он тоже с Украиной. В подразделении он был жесткий, а в боевой обстановке трудно было придумать лучшего командира. Ближе к Новому году проводилась большая операция в провинции Балх. Мы взяли в окружение провинциальный центр – большой кишлак с населением около 105 тыс. человек, и должны были выгрести душманов, которых там было около 5000 человек (по численности примерно целая армия).

На одном из участков этого блока находились сарбозы – народные армейцы. Их подкупили, и они выпустили банду, которая рассеялась по пустыне. А людям нужна вода. И целью нашей группы было перехватить у источника духов и по возможности их уничтожить. Двое суток ждали. И когда ночью душманы пришли, произошел бой. Длился он недолго, минут 30. Но стрельбы было много, и ребята рвались в атаку. Но капитан Люлька

жестко пресек эти попытки и никого из окопов не выпустил.

На рассвете мы прочесали ближайшую местность: на песке было много крови, несколько мертвых ишаков, пара верблюдов, кровавые отпечатки рук на песке и ни одного трупа. Они забрали всех своих. После боя пошли обсуждения между солдатами и сержантами о том, что мы могли бы сделать крупные результаты, взять кого-то из бандитов в плен... Если бы не капитан. Захотелось, видимо, некоторым орденов и медалей. И тогда командир построил нас и сказал примерно следующее: «Сынки, если бы хоть один из вас в сегодняшнем бою погиб, с какими бы глазами я или другой офицер повез матери тело погибшего? У нас что, немцы под Москвой? Нет. У нас была боевая задача: не дать врагу набрать воды. Мы ее выполнили».

За 18 месяцев в нашей мотоманевренной группе ни один боец не погиб. Более 20 человек были ранены, но убитых не было, и это заслуга командиров. При этом боевые задачи были разные. И спрашивали с нас по полной программе, мы же подчинились КГБ. Я горд тем, что служил в пограничных войсках.

Ребят, воевавших в Афганистане, иногда спрашивают, не жалеете, что участвовали в этой войне? Нам, пограничникам, в этом плане проще. Мы точно знали, для чего мы там, – выполняли боевую задачу по охране государственной границы СССР. И делали это хорошо. За 10 лет войны территория Советского Союза была только два раза обстреляна со стороны Афганистана бандформированиями.

Что мне дал Афганистан? Бесценный опыт, который много раз пригодился по жизни. После армии я пошел служить в милицию. И участв в Донецкой специальной школе милиции, и уже после ее окончания, побывал в разных горячих точках. Работал и следователем, и участковым инспектором, командовал патрульной службой. После окончания института МВД я был старшим инспектором службы охраны общественного порядка. И всегда меня выручала военная закалка.

И очень большую роль сыграл боевой опыт (не только мой, но и других ребят, прошедших горячую войну), когда беда пришла на родную землю, на Донбасс. Противник дошел до моего города, но в Антрацит мы его не пустили, он не был взят. Мы с ребятами-афганцами выступали в качестве консультантов, давали рекомендации, как лучше обороняться, как лучше укрепить город подручными средствами, из чего сделать взрывчатку. И эта практическая помощь оказалась очень нужна. Потому что гибель среди молодежи была велика. Озвученные цифры (5–6 тыс. погибших) занижены. На самом деле счет идет на десятки тысяч. В армии нас учили думать, решать задачи без потерь. И этими умениями надо делиться. Особенно, если речь идет о спасении твоих детей. Что такое военная тактика? Это умение захватить танк на велосипеде. Смешно? Но так и было у нас однажды на Донбассе. Восемнадцатилетние пацаны срочной службы без особой военной выучки использовали все топливо и расстреляли боезапас. И два танка были захвачены.

У Валерия Михайловича много историй в запасе. Мы говорили об Украине, Сирии и о месте нашей страны в мире сегодня. Говорили о трех Орденах Святого Георгия двоюродного деда Валерия и о боевых наградах Валерия Михайловича: медали за отличие в охране государственной границы СССР и медали за боевые заслуги. О наградах, которыми гордится его сын – будущий врач, который, как и отец, выбрал призвание – спасать людей.